

браков. В целом, уровень разводимости сельского населения Европейского Севера России в изучаемое 20-летие можно оценить как невысокий, если сравнивать его с брачностью. В 1940 г. на Европейском Севере России в расчете на 1000 заключенных браков приходилось 114 разводов. Данный показатель понижается к концу 1950-х гг.: в 1959 г. в расчете на 1000 браков приходилось 47 разводов.

Особую разновидность статистических документов о населении составляют материалы отделов здравоохранения. Были изучены материалы отделов здравоохранения Архангельского и Вологодского обл. исполкомов (ГААО. Ф. 1932; ГАВО. Ф. 1637). В них представляет интерес информация о родовспоможении на селе, числе аборт, произведенных по медицинским показаниям и криминальным образом, об общем состоянии развития медицинской помощи и медицинских учреждений на селе. Показатели по этим вопросам находятся в «Сводных годовых отчетах о сети, деятельности и кадрах медицинских учреждений за ... г.».

В целом, демографическое развитие деревни Европейского Севера России в 1940–1950-е гг. происходило в контексте изменений, называемых демографической модернизацией. После катастрофических условий Великой Отечественной войны и послевоенного голода наблюдалась тенденция к становлению малых семей, простому типу воспроизводства, снижению рождаемости и смертности.

1. ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 24. Л. 38; Д. 65. Л. 72; Д. 100. Л. 67; Д. 133. Л. 103. (переселение);
2. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 24. Д. 587. Л. 28–32.
3. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1369. Л. 1, 1об.; Д. 3594. Л. 7; Д. 3657. Л. 77; Д. 6808. Л. 5. (по трудоспособным); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 5108. Л. 2, 21, 39; Д. 5398. Л. 5; Д. 5714. Л. 5; Д. 5997. Л. 6; Д. 6244. Л. 8; Д. 6535. Л. 6; Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1246. Л. 7. (подростки)

ПОЛЯКИ И ПОЛЬСКИЕ ГРАЖДАНЕ В СОВЕТСКИХ ЛАГЕРЯХ НА УРАЛЕ (1945–1947). ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Дариуш Рогут (Лодзь, Польша)

Вторжение Красной Армии со второй половине 1944 года на территорию Республики Польша не только положило конец немецкой оккупации, но и стало началом новой, советской оккупации. По политическим соображениям НКВД и военные контрразведывательные подразделения Смерш проводили массовые аресты поляков и польских граждан, которые были не только солдатами Армии Краёвой, но представляли собой потенциальную угрозу для коммунистической диктатуры в Польше. Всеобщий террор имел целью запугать общество и облегчить захват власти советскими коллаборационистами из ППР и ПКНО. Согласно примерным данным от января 1944 г., до конца сороковых годов с территории Второй Речи Посполитой, в том числе с её восточных рубежей, было вывезено около 100 тыс. поляков и польских граждан, которые были направлены в трудовые лагеря¹⁴.

Репрессированных лиц отправляли в различные места лишения свободы. Как «интернированные», солдаты независимого подполья и подозреваемые в участии в нём, а это около 10 000 поляков, были отправлены в лагеря для военнопленных и интернированных, такие как № 270 в Боровичах¹⁵, № 41 в Осташкове¹⁶, № 454 в Рязани¹⁷, № 516 в Красноводске¹⁸. В проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ), такие как на Донбассе, в Сталиногорске, Саратове, Кизеле и Шатуре, попадали гражданские лица, которые были интернированы в Польше и на восточных приграничных территориях Второй Речи Посполитой, в большинстве своём как подозреваемые в участии в польском подполье. Всего в первые месяцы 1945 г. в ПФЛ находились более 18 000 поляков и польских граждан. В исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) лица, осуждённые за якобы преступления, совершённые против советского государства. Главным образом они были осуждены военными трибуналами фронта или Особым совещанием НКВД (ОСО), на осно-

¹⁴ См.: Polska 1939–1945. Straty osobowe i ofiary represji pod dwiema okupacjami, red. W. Materski, T. Szarota, Warszawa 2009; D. Rogut, *The Polish Civilians and the Soldiers of the Home Army in NKVD/MVD Camps After 1944* [w:] *Gulag–Gupvi. The Soviet Captivity in Europe*, red. Reka Kiss, Istvan Simon, Budapest 2017, s. 185–206; idem, *Lengyel civilek és a Honi Handsereg katonái az NKVD/MVD táborában 1944 után* [w:] *Gulag–Gupvi. A szovjet fogság Európában*, Reka Kiss, Istvan Simon, Budapest 2017, s. 181–202; idem, *Deportacje Polaków i obywateli polskich do ZSRS w 1945 roku: droga na Wschód* [w:] *Pod czerwoną gwiazdą. Aspekty sowieckiej obecności w Europie Środkowo-Wschodniej w 1945 roku*, red. S. Rosenbaum, D. Węgrzyn, Katowice – Warszawa 2017, s. 90–109.

¹⁵ D. Rogut, *Losy żołnierzy Armii Krajowej („riazańczyków”) w sowieckim obozie MWD nr 270 w Bórowiczach (1947–1949)* [w:] *Wokół spraw trudnych, bolesnych i zapomnianych. Studia i szkice*, red. E. Kowalczyk, L. Ladorucka, W. Marciniak, B. Szubtarska, J. Żelazko, Łódź 2014, s. 497–519; idem, *Żołnierze Armii Krajowej w obozie sowieckim NKWD nr 270 w Bórowiczach (1944–1946)*, Żelów 2017.

¹⁶ D. Rogut, *Z dziejów internowanych Polaków w Związku sowieckim: obóz nr 41 w Ostaszkowie*, „Dzieje Najnowsze” 2001, nr 2, s. 79–101.

¹⁷ См.: D. Rogut, *Ucieczki żołnierzy Armii Krajowej z obozu NKWD-MWD nr 178–454 w Riazaniu (1945–1946)*, „Dzieje Najnowsze” 2008, nr 3, s. 79–93; A. Arkusz, *Obywatele polscy w obozie NKWD-MWD ZSRR nr 178–454 w latach 1944–1947*, Kraków 2010; D. Rogut, *Internowani oficerowie Armii Krajowej w sowieckim obozie jenieckim nr 150 w Griazowcu w latach 1947–1948* [w:] *Sowiecki system obozów i więzień. Przykłady wybranych państw*, red. J. Bednarek, Łódź 2013, s. 75–110.

¹⁸ D. Rogut, *Wrota piekieł. Żołnierze Armii Krajowej i obywatele polscy w obozie NKWD nr 516 w Krasnowodzku* [w:] *Sowieckie obozy dla jeńców wojennych i internowanych 1939–1956. Przykłady wybranych państw*, red. J. Bednarek, D. Rogut, Łódź 2018, s. 45–69.

ве статей советского уголовного кодекса, в основном от 58-1а (измена родине) до 58-14 УК РСФСР, и соответствующих статей УК союзных республик, а также Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года. Всего в 1947-1952 годах число поляков в лагерях ГУЛАГ составляло от 21 000 до 25 000 человек¹⁹. В трудовые батальоны Красной Армии, принудительно и незаконно включённые в ряды Красной Армии, попадали жители восточных областей Второй Речи Посполитой, присоединённых к Советскому Союзу. Примером является судьба почти 5000 солдат АК, разоружённых и вывезенных в августе 1944 года из Вильнюса в Калугу, а затем отправленных в трудовые батальоны Красной Армии. В свою очередь, в трудовых батальонах, созданных для немцев, оказалось 50 000 арестованных польских граждан: мазуров, кашубов и силезцев, однако сложно точно определить, сколько в них было поляков²⁰.

Ещё несколько тысяч поляков (подозреваемых в службе в АК) и несколько тысяч довоенных польских граждан: мазуров, кашубов и немцев, подозреваемых в сотрудничестве с оккупантами, были отправлены в лагеря для военнопленных и интернированных на Урале: № 231 (более 1000 поляков), 337, 504, 523 (более 500 поляков) в Свердловской области; № 102, 506, 507, 522 (Челябинская область); № 172, 235, 260 (Чкаловская-оренбургская область) и № 503, 526, 525 (Кемеровская область). Большинство лагерей находились рядом с угольными шахтами, а интернированные лица использовались для его добычи.

Из имеющихся примерных данных следует, что с февраля по апрель 1945 года из тюрьмы НКВД в Цеханове (два транспортных эшелона), в Дзялдово (восемь транспортных эшелонов), в Грудзёндзе (четыре транспортных эшелона) было вывезено около 22 000 тыс. человек. Из этого числа были проверены данные на почти 11 000 заключённым, из которых, по меньшей мере, 500 человек погибли на пути на Урал, т. е. 5% из всего числа направленных туда лиц²¹.

Челябинская область. В лагеря Челябинской области: № 102 с администрацией в городе Челябинске (начальник - подполковник Аркадий Пономарёв), № 377, № 506, № 507 и № 522 попали в апреле 1945 года с 3 до 11 тысяч поляков и польских граждан. Большинство было арестовано в Восточной Пруссии, но часть в Познаньском воеводстве и в Померании. Лагерь № 506 для интернированных лиц, администрация которого находилась в г. Копейске (начальник администрации майор Бориса Исурин, полковник Даниил Гузачев) с лимитом в 11 500 человек состоял из 8 лаготделений. В мае 1945 года был создан лагерь № 522 в Коркино (начальник администрации майор Александр Конарёв) с лимитом в 10 200 человек с пятью лаготделениями. Самое крупное лаготделение № 1 для 4000 заключённых был создан в поселке Роза. В середине 1945 г. в нём находились почти 1200 поляков. Также из них формировались рабочие батальоны № (1079, 1080, 1083 1651, 1652). С сентября 1945 г. начался процесс освобождений из лагеря. До января 1946 г. было отправлено пять эшелонов. После расформирования лагерей № 102, 180, 506, 522 интернированных лиц освобождали из лаготделений, которые подчинялись УПВИ УМВД²².

Свердловская область. Лагерь для военнопленных № 231 был создан в июле 1944 года. Он должен был быть организован в Северураллаге (Североуральский ИТЛ) - лагерном комплексе для лиц, приговорённых к тюремному заключению. Администрация лагеря, скорее всего, находилось в городе Верхотурье (220 км к северу от Свердловска). Эшелон с интернированными гражданами Польши прибыл 22 апреля 1945 года²³. По меньшей мере, 1065 поляков и польских граждан прошли через лагерь № 231. В лагере под вымышленным именем Валенты Гданички отбывал наказание генерал армии Эмиль Август Фильддорф, псевдоним «Нил». Освобождение поляков началось с июля 1945 г. и продолжалось до сентября 1946 г.²⁴.

Лагерь № 504 был основан в марте 1945 года и предназначен для интернированных (начальник лейтенант Александр Черных, подполковник Иосиф Поселяков). В нём было несколько лаготделений, в том числе два расположенных в городе Карпинске. В период с марта по апрель 1945 года около 5 тысяч интернированных были отправлены в него тремя эшелонами, в основном это были немцы, всего было отправлено 5757 человек, в том числе, по меньшей мере, 500 поляков. Они были размещены в суб-лагере № 1 Веселовка. Скорее всего, к концу сентября 1945 года большинство интернированных лиц покинули

¹⁹ См.: D. Rogut, *Zarys historii sowieckiego obozu specjalnego nr 4 (Stieplag) w latach 1948-1954*, „Pamięć i Sprawiedliwość” 2010, nr 2, s. 273-293.

²⁰ См.: D. Węgrzyn, *Internowania i aresztowania mieszkańców Górnego Śląska przez NKWD ZSRR w 1945 roku i ich produktywizacja w ramach systemu obozowego GUPWI NKWD/MWD ZSRR w latach 1945-1954* [w:] *Wywózka. Deportacja mieszkańców Górnego Śląska do obozów pracy przymusowej w Związku Sowieckim w 1945 roku. Faktografia – konteksty - pamięć*, red. S. Rosenbaum, D. Węgrzyn, Katowice 2014, s. 72-145.

²¹ M. Golon, „Pomorska oblawa”. *Deportacje Polaków z Pomorza do obozów NKWD ZSRR w 1945 r.* [w:] *Polska 1939-1945. Straty osobowe i ofiary represji pod dwiema okupacjami*, red. W. Materski, T. Szarota, Warszawa 2009, s. 291-303.

²² GARF, 9401-1a-176, k. 50, 56; t. 177, k. 303-304; О.А. Зайцева, А.Э.Гурьянов, *Документы ЦХИДК об интернировании польских граждан в СССР в 1944-1949 гг.* [w:] *Репрессии против поляков и польских граждан, Москва 1997*, s. 238-239; А. Ф. Яловенко, *Архипелаг ГУПВИ в Челябинской области*, ч. 3, Челябинск 2014, s. 293-306; Н. В. Суржикова, *Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942-1956 гг.)*, Екатеринбург 2006.

²³ Во время перевозки умерли 233 заключённых, т.е. 11,8% от общего числа. Indeks Represjonowanych (dalej: IR), *Internowani na Uralu. Alfabetyczny wykaz 3940 internowanych Polaków i obywateli polskich, którzy w latach 1945-1948 przeszli przez obóz kontrolno-filtracyjny nr 0302 i obozy jenieckie nr 231 i nr 523 NKWD-MWD ZSRR*, T. XVI, red. A. Dzieńkiewicz, A. Gurjanow, Warszawa 2005, s. 40-41.

²⁴ Он вернулся в Польшу в октябре 1947 года, он был арестован аппаратом безопасности в Лодзи 10 ноября 1950 года и приговорен 16 апреля 1952 года к смертной казни. Убийство 24 февраля 1953 года. M. Fieldorf, L. Zachęta, *General „Nil” August Emil Fieldorf. Fakty, dokumenty, relacje*, Warszawa 1993.

его. В июле 1945 года лагерь для интернированных был преобразован в лагерь военнопленных. В 1949 году на его базе был создан режимный лагерь для военных преступников²⁵.

Лагерь для интернированных лиц № 523 был создан по приказу НКВД в апреле 1945 года в городе Егоршино (в 100 км к северо-востоку от Свердловска). Самая большая группа из 1178 интернированных лиц была доставлена в лагерь 1-2 апреля 1945 года на эшелоне из Санока. Сначала они попали в лаготделение № 1 лагеря для военнопленных № 84 в Егоршино. В мае выделился от своего состава вновь созданный лагерь для интернированных лиц № 523. Вначале в его структуре было три лаготделения, затем шесть с общим лимитом интернированных лиц 4000 человек. Они были расположены, в частности в городе Ирбит и рядом с железнодорожными станциями Самоцвет и Алтынай. Так поляки оказались в лаготделении № 1 лагеря 523. Другие группы направлялись сюда до конца сентября 1946 года, в том числе из ПФЛ № 0302, из лагеря № 504 и лагеря № 221 Северураллага²⁶. Поляки освобождались партиями с июля 1945 г. по октябрь 1947 г. В июле 1948 года последняя группа (77 человек) интернированных польских граждан, в основном украинцев, была переведена в лагерь № 531. Они возвращались в Польшу в 1949 г. и в пятидесятых годах. В общей сложности 1425 поляков и польских граждан прошли через лагерь № 523, из них погиб 331 человек (непосредственно доставленных в лагерь), то есть 23%²⁷. Столь высокая смертность среди интернированных польских граждан, отмечавшаяся на протяжении более полутора, была исключительной.

В лагерь № 531 для военнопленных с местом расположения администрации в посёлке Верная Пышма под Свердловском на Урале (ныне Екатеринбург) 14 июля 1946 года из лагеря № 270 в Боровицах прибыли 810 поляков (в том числе 21 женщина и один ребенок, родившийся в 1945 году). Они были освобождены в октябре 1947 г., а 13 ноября 1947 г. они пересекли границу и оказались в Польше²⁸.

Кемеровская и чкаловская область. Весной 1945 г. на базе лагеря № 162 был создан лагерь № 503. До октября 1945 г. в него прибыло около 20 тыс. пленных и интернированных лиц. Они направлялись на работу, в том числе на химический комбинат, в угольные шахты «Кемеровоуголь», «Ленинуголь» и на лесозаготовки. На базе лагеря № 142 был создан лагерь № 525, который управлялся администрацией лагеря в Прокопьевске, и сеть из 18 лаготделений. В него в мае 1945 г. попали около 1500 интернированных лиц из которых был создан батальон № 1104. Больные были направлены в особую больницу № 1407²⁹. В Чкаловской области поляки и интернированные польские граждане направлялись в лагеря № 172, 235 и 260, 369 и особую больницу № 5889. Первый эшелон прибыл в начале мая 1945 года, которым в лагерь были доставлены 1900 человек. По неполным данным, к середине 1945 года в трёх лагерях было, по меньшей мере, 600 интернированных поляков и польских граждан, а остальные были направлены в другие лагеря.

Во всех лагерях интернированные лица практически работали как рабы на строительстве шахт и электростанций, добыче каменного угля, вырубке лесов и были заняты на сельскохозяйственных работах. Их брали на работу предприятия, связанные с лесной и угольной промышленностью. Они направлялись, в частности, на рубку леса для строительства промышленных предприятий и жилых объектов. Женщины работали в швейных мастерских, участвовали в уборках суб-лагерей и работали на сельскохозяйственных фермах в колхозах. Норма питания составляла 600 г хлеба (иногда из низкосортной кукурузной муки), но она снижалась на 200 г. в случае невыполнения трудовой нормы. «Супы» часто подавали только с мукой, без жира, а также с сушеными лавровыми листьями. В 1945-1946 годах нормы питания были особенно низкими и малокалорийными.

Процедура освобождения поляков и польских граждан из лагерей началась со второй половины 1945 года. Она была связана с приказом НКВД СССР № 00315 от 18 апреля 1945 года об освобождении арестованных немцев, вина в «шпионаже» которых не была доказана и т. д. В циркуляре НКВД № 74/60 от 26 апреля 1945 года, дополнявшем приказ 00315, объяснилось, что поляки в аналогичных случаях (в отличие от немцев – не только больных и инвалидов, но и здоровых лиц) должны быть освобождены и отправлены домой. Данные действия были связаны с директивой НКВД СССР № 103 от 29 июня 1945 года, в которой говорилось о возможности освобождения „некоторых категорий поляков, арестованных за мелкие правонарушения и рядовых членов АК”. Подобное значение имел приказ НКВД СССР № 001301 от 29 октября 1945 года, касавшийся освобождения интернированных польских граждан. Позднее они были освобождены на основании постановления Совета Министров СССР № 2641-816сс от 26 июля

²⁵ Wojskowe Biuro Historyczne, sygn. VIII.800.20.917, Historia zarządu i obozu nr 504 (Karpiński) i 477 w latach 1945-1950, k. 4-7.

²⁶ Также интернированных чехов и словаков отправили в лагерь № 523. См: Milada Polišenská, *Čechoslováci v Gulagu a československá diplomacie 1945-1953*, Bratislava 2006; Peter Juščák, *Odvlečení. Osudy občanů Československa odvlečených do pracovních táborů GULAG v ZSSR*, Bratislava 2011.

²⁷ IR, T. XVII, ibidem, s. 51-52.

²⁸ См: D. Rogut, *Żołnierze Armii Krajowej w sowieckim obozie nr 531 w Świerdłowsku (1946-1947) – zarys historii [w:] GULAG - GUPWI. Struktury – kadry – więźniowie*, red. D. Rogut, W. Śleszyński, Białystok 2018, s. 127-144.

²⁹ А.А. Долголюк Н.М. Маркдорф, *Военнопленный в Сибири (1943-1956 гг.): Историческое исследование и документационное исследование*, часть 1, Новосибирск 2014, с. 26-27.

1947 г. «Об освобождении и возвращении в Польшу польских граждан, находящихся на территории СССР под стражей» и приказа МВД СССР № 00839 от 4 августа 1947 года.

Количество публикаций о судьбах поляков и польских граждан по-прежнему недостаточно и научные труды всё ещё ждут опубликования. Они требуют тщательных исследований с использованием материалов из постсоветских архивов, литературы по этому вопросу и воспоминаний интернированных заключённых. По сей день мы точно не знаем количество поляков и польских граждан, депортированных в 1945 году в лагерь Урала, их смертность и число репатриантов.

КОРРЕКТИРОВКА ВОЛОНТАРИСТСКИХ РЕШЕНИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ (1953–1964 ГГ., ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ)

М.И. Федорова (Омск, Россия)

Раскрывая содержание волонтаристских решений в управленческой практике в исследуемый период мы проследим их направления и реальное воплощение (или не воплощение) через позицию сельских слоев населения и региональной управленческой элиты к государственным сверхзадачам.

Поскольку СССР являлся централизованным государством, и решения принятые центральным правительством обладали силой действия для всех территорий, уместно содержательную часть извлекать как из центральных документов, так и из местных [8, с. 197].

Пленумы ЦК КПСС ставили перед обществом вполне конкретные задачи, выполнение которых носило обязательный характер: и точки зрения запланированных сроков, и с учетом сложившейся командно-административной системы, а также категоричности ставившихся задач – Пленум требует, обязывает, партийные организации должны, обеспечить выполнение и перевыполнение плана и т.д.

Воплощение волевых целей и задач, поставленных перед сельскими тружениками и региональной управленческой элитой, требовали от них четкой внешней или скрытой позиции. Провозглашенные задачи не отвергались открыто, более того открыто приветствовались, вместе с тем их реальное воплощение корректировалось на местах, сверхзадачи преодолевались, решались уже с учетом объективных обстоятельств.

В рамках аграрной политики 1953 – 1964 гг. перечислим некоторые волонтаристские идеи, которые сельскому населению и управленческой элите приходилось воплощать в жизнь.

1. Агитационно-пропагандистские, политико-воспитательные, партийно-политические идеи требовали от исполнителей творческого понимания марксизма – ленинизма [1, Л. 9]. Вместе с тем, с одной стороны, рекомендации творческого отношения к учению оставались на бумаге по ряду причин – малограмотность населения, подавленная инициатива обыкновенного человека репрессиями, опекой партийного аппарата, потребительское отношение государства к личной собственности крестьянина, отсутствие квалифицированных кадров в деревне на всем протяжении хрущевской эпохи.

С другой стороны, часть руководителей колхозов и совхозов на местах, делая своими советчиками в руководстве хозяйством совесть и здравый смысл, умение решать дела с учетом конкретной обстановки, понимали необходимость сохранения личного крестьянского хозяйства, которое делает крестьянина «оседлым», более трудолюбивым в общественном хозяйстве. Такая позиция не одобрялась, председатели колхозов и совхозов получали выговоры. [9, с. 9-51].

2. Кадровые. В исследуемый период, начиная с 1953 г. предполагалось коренным образом и в короткие сроки улучшить руководство всеми типами хозяйств, обеспечить сельское хозяйство профессиональными и руководящими кадрами [1, Л. 7]. Предполагалось, что подбор будет осуществляться исключительно только по политическим и деловым качествам, со средним и высшим сельскохозяйственным образованием [2, Л. 41, 42].

Эта задача решалась путем подготовки сельскохозяйственных кадров в средних и высших учебных заведениях, через систему курсов, семинаров. Частично в первой половине 50-х гг. кадровый дефицит преодолевался путем единовременных отправок в село тружеников городских профессий и тех, кто когда-то работал на селе. Так, выполняя постановление Сентябрьского 1953 г. Пленума ЦК КПСС Омская городская партийная организация направила на работу в сельское хозяйство более 400 специалистов [3, Л. 8,9].

Несмотря на принятые меры в короткие сроки укомплектовать сельское хозяйство необходимым количеством специалистов не удалось.

Ответственность за решение сельскохозяйственных задач возлагалась и на партийно хозяйственные руководящие органы: райкомы, райисполкомы и его селхозотделы, облисполкомы и т.д. Центральное руководство полагало, что недостатками в деятельности руководящей элиты всех уровней являются: расхождение между словом и делом, бюрократизм, безответственность. [7, с. 200.]. Председатели колхозов свои неудачи в практических делах также списывали на низкий уровень руководства областных партийных и хозяйственных органов управления сельским хозяйством, делая вывод: в районе есть все условия